

УДК 821.112.2

ББК 83.3(4)

В.В. Котелевская**«ГОСПОДИН ТЕСТ» ПОЛЯ
ВАЛЕРИ В ПОЭТИКЕ
ТОМАСА БЕРНХАРДА:
ВГЛУБЬ ОДНОЙ ЦИТАТЫ**

В статье рассматриваются интертекстуальные связи романа Т. Бернхарда «Корректур» («Korrektur») и книги эссе П. Валери «Господин Тест» («Monsieur Teste»). Цитируя название эссе французского писателя, предвосхитившего поэтику модернизма и постмодернизма, Бернхард ведет к усложненной интерпретации своего текста. Раскрываются имплицитные связи творчества Бернхарда с поэтологией Валери. Особое внимание уделяется структуре субъекта (двойничество), философии письма, поэтике пространства.

Ключевые слова: *Томас Бернхард, Поль Валери, интертекстуальность, лингвистический скептицизм, модернизм, роман о художнике.*

Котелевская Вера Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Тел.: 8-918-566-1134

E-mail: luga17@rambler.ru

© Котелевская В.В., 2014.

Роман Томаса Бернхарда «Корректур» (Korrektur, 1975) принадлежит тому типу художественной прозы австрийского писателя, которая демонстрирует неразрывную связь саморефлексии героя и рефлексии над искусством («Selbst- und Kunstreflexion»: эту связь прослеживает на материале романа «Пропаший», в частности, М. Яннер [Janner, с. 289]). И «Корректур», и «Пропаший» (Der Untergeher, 1983), и еще целый ряд романов и повестей Бернхарда сохраняют характерную для писателя связь трех магистральных тем: артистического «я», природы искусства и границ языка (познавательных, выразительных, коммуникативных). В таком триединстве традиционно исследуют повествовательную прозу Бернхарда (С.П. Ташкенов, Н.С. Павлова, В. Шмидт-Денглер, Р. Айкелер, А. Гёсслинг, М. Яннер, Г. Фойльнер).

История интеллектуально-артистического «я» прослеживается в «Корректуре» вне бытовой, исторически и пластически достоверной действительности – она разворачивается как предельно абстрагированный сюжет поисков себя, и искомое пространство увязано исключительно с символической деятельностью духа, а повествование обретает форму потока сознания. Эта сосредоточенность на определении и переписывании («корректуре») самой природы искусства, языка, на экзистенциальном переписывании своего «я» предельно сближает бернхардовские версии «романа о художнике» (см.: [Котелевская *a-d*]) с книгой эссе Поля Валери «Господин

Тест», выросшей из многолетних размышлений французского модерниста над природой творческого «я», законами воображения и его извилистыми путями в мире конвенций и знаков.

Герой романа Томаса Бернхарда «Корректур» Ройтхамер – интеллеktуал (Gehirnmensch, Verstandesmensch, Geistesmensch) и художник (Künstler) – обклеивает стены мансарды, в которой он трудится над главной рукописью своей жизни, страницами, вырванными из «важнейших» для него книг. Мансарда в доме семьи его друга Хёллера становится для героя духовным прибежищем, топосом бегства – «бегства в книги и сочинения» (Bücher- und Schriftenzuflucht [Bernhard, 1988, S. 264]). Только здесь – не в отеческом и ненавистном Альтензаме, не в чужом, но любимом Кембридже – он совпадает наконец с самим собой, и это – «я»-пишущий, «я»-мыслящий. Описывая воздвигнутое им у Хёллера собственное символическое пространство, Ройтхамер фиксирует в заметках: «... и из этих важнейших книг и сочинений важнейшие для меня страницы я прикреплял к стенам мансарды Хёллера, и так, всё снова и снова, – страницы из Паскаля, много из Монтеня, очень много страниц из Пушкина и Шопенгауэра, из Новалиса и Достоевского, из Валери же я прикрепил почти все страницы его «Теста», прежде чем покрыл стены мансарды Хёллера планами и эскизами дома-конуса» (перевод наш. – В.К.) [Bernhard, 1988; 1989, S. 264]. (Напомним: господин Тест, герой Валери, напротив, не держит в своем аскетичном жилище ни единой книги. Однако его чуждость Ройтхамеру – мнимая).

Никаких комментариев к упомянутым персоналиям и к единственно названному «сочинению» («Teste» von Valéry) ни герой, ни рассказчик не дает. Минималистичная манера вживания чужого текста в собственный характерна для большинства произведений Томаса Бернхарда. Чаще всего он ограничивается эмблематикой имени (на это обращает внимание и Р. Айкелер [Eysckeler, p. 16]). Молчание о «важнейших» трудах, составивших духовную почву его творчества, отказ развернуто говорить о сокровенном – из амбивалентной любви-ненависти к «бумаге» (ср. градацию в «Корректуре»: «Papierhass... Hass gegen Papiere, gegen alle Papiere der Welt»: «ненависть к бумаге... ко всем бумагам, ко всем бумагам мира» [Bernhard, 1988, с. 262]), к записанному слову – пронизывает лейтмотивом романы и пьесы, интервью и речи австрийского писателя. Это еще один мотив, сближающий скептика Теста, презрительно отзывающегося о великих, о литературе, и австрийского «негативного диалектика». Бернхард, например, в 1971 г. отказывается писать доклад о Витгенштейне, признавая его при этом значительнейшей фигурой в истории философии и поэзии (!), а также в собственном становлении, ссылаясь однако на «невозможность написать о *W.*» – варьируя на такой манер знаменитую формулировку из «Логико-философского трактата» (см. письмо г-же Хильде Шпиль [Bernhard, 2012, S. 81–84]). Жест этот сопоставим с лингвистическим скептицизмом других австрийцев – Г. фон Гофмансталя («Письмо лорда Чандоса»), Ф. Маутнера, И. Бахман, П. Целана и самого Витгенштейна. По линии тотального сомнения

в слове, неизбежно выраженного словом, пролегает имплицитная связь романа «Корректур» и «Господина Теста» Валери.

Отношения Томаса Бернхарда с чужими литературными текстами складывались столь же парадоксальными путями, сколь и его отношения с письмом как таковым. Уже в ранних произведениях на первый план у него выдвигается фигура писателя, не верящего в слово и вместе с тем не способного отказаться от попыток писать, больше того, от всепоглощающей идеи выразить в тексте некую генеральную идею – своего бытия, а то и всего человечества. Под разными масками он проникает в пьесы Бернхарда: они населены трагикомическими утопистами, «улучшающими, совершенствующими мир» своим *opus magnum* (название одной из пьес – «Der Weltverbesser», 1980). Довольно редко задуманный персонажем текст состоится: чаще всего сюжет вертится вокруг не поставленного спектакля или концерта, не завершённой или почти уничтоженной, «откорректированной до смерти» (*zutode korrigiert* [Bernhard, 1988, S. 76]) рукописи, ненаписанных или сожженных картин. Драматургия и проза Бернхарда настойчиво прокручивает одну и ту же ситуацию, абсурдно выраженную в уже упомянутой пьесе «Der Weltverbesser» (в переводе названия «Спаситель человечества» М. Рудницким, правда, затушеван утопически-преобразовательный смысл, но акцентировано мессианство): «Я подготовил речь / Но я не буду выступать с речью» (ср.: сюжет несостоявшейся, не-произнесенной миссии-вести в «Стульях» Э. Ионеско, многочисленные драматические и романтические сюжеты С. Беккета о косноязычном слове, особенно в его романе «Безымянный») [Бернхард, с. 467]. Бернхард, подобно М. Бланшо, всегда оставляет литературе «право на смерть» [Бланшо, с. 9], веря лишь в такое написанное слово, которое ставит себя под вопрос, не сомневаясь в «собственной невозможности» [Бланшо, с. 10]. Переписывать текст вплоть до полного уничтожения, сохранив лишь название, – стратегия, объединяющая пишущих героев Бернхарда. Уничтожает все свои тексты и мсье Тест, попутно избавив свое жилище от текстов чужих («Вечер с господином Тестом»): правда, позже Валери «сохраняет» часть записей героя, но они оформлены как разрозненные афоризмы, наблюдения («Некоторые мысли господина Теста», «Log-Book господина Теста») и воплощают общую для Валери и Бернхарда идею о невозможности цельноскроенного повествования, нехватности «целого» (*Ganzes*).

Уже этот вводный обзор ключевых тем Бернхарда дает понять, сколь важным должен был оказаться для него сборник Поля Валери о г-не Тесте. В литературе о Бернхарде нам встретились отдельные указания на такую связь [Feulner; Pause]. Однако тема требует обстоятельного разбора, линии которого мы и наметим в данной статье.

Резонно возникает вопрос: имеется ли в виду у Бернхарда лишь первоначальная версия – небольшое эссе о мсье Тесте – «Вечер с г-ном Тестом» (1896) – или посмертная редакция (1946) [Valéry], где под одной обложкой собраны все, выходившие с перерывами, произведения, посвященные этому персонажу: «Предисловие», «Вечер с господином Те-

стом», «Письмо госпожи Эмили Тест», «Log-Book господина Теста» «Письмо друга», «Прогулка с господином Тестом», «Диалог», «К портрету господина Теста», «Некоторые мысли господина Теста», «Конец господина Теста» (см. русское издание 1994 г.: [Валери])?

Речь может идти о бесспорном знакомстве с ранней версией и – почти утвердительно – о «цикле Теста». В тексте-исповеди «Три дня» Бернхард признается: «Французы, за исключением Валери, меня вообще никогда не интересовали... “Г-н Тест” Валери – это книга, вся истрепанная мной, и я вынужден покупать новую, потому что она снова и снова рвется, залистанная, обтрепанная» [Bernhard, 1989, S. 87]. Вероятнее всего, речь идет именно о полном издании «цикла Теста». Там же, в «Трех днях», Бернхард уподобляет страницы книг «стенам», а их главы – отдельным комнатам в доме, подобном некоей огромной тюрьме («ein riesiger Kerker»), в которой только и возможно идеальное состояние писателя – абсолютное одиночество [Bernhard, 1989, S. 84]. Речь тут идет о «книге» Валери (ein Buch), и это наверняка не 20-страничное эссе «Вечер с господином Тестом».

Сближение пространства бытования с пространством ментальным характерно и для я-рассказчика Валери, граница идентичности которого с выдуманной из «головы» (фр. *tête* этимологически восходит к *teste*) г-ном Тестом почти прозрачна. Книжные полки не нужны Тесту, потому что все тексты он носит в себе, как и его автор-творец, соорудив «внутри себя остров», на который он «не жалел времени, чтобы его освоить и укрепить» («Предисловие»: [Валери, с. 165]).

Знаменитый «Цикл Теста» (Cycle Teste), как назвал сам Поль Валери серию своих произведений, объединенных персонажем под нарицательным метафорическим именем, и возобновлявшуюся на протяжении полувека (1896 – 1924 – 1925 – 1945 гг.) [Otero Sugden, p. 25– 26], может быть прочитан как своеобразная партитура к поэтике Бернхарда: так отчетливы сближения лейтмотивов, идей, так родственны композиционное мышление, стилистика австрийского и французского авторов, разделенных целым поколением. Вывод назревает при внимательном «синхронном» чтении не только двух исходных произведений – *текста-донора* [Фатеева, с. 122] «Monsieur Teste» Валери и романа Бернхарда «Корректур», но и при охвате обширного корпуса текстов австрийского писателя.

Итак, в «Корректуре» упоминается часть названия эссе или цикла (Teste) и имя автора (Valéry) [Bernhard 1988, S. 264]. Эта минимальная «цитата с атрибуцией» [Фатеева, с. 122] – тип интертекста, редко встречающийся у Бернхарда.

Бернхард обычно или дает развернутую цитату в рамке текста (эпиграфе), не атрибутируя источник-оригинал (так фигурируют в его повестях и романах Монтень, Паскаль, Новалис, Вольтер и др.), или, вводя интертекст в ткань основного текста, ограничивается только персоналией. Из набора имен постепенно, от произведения к произведению, складывается «личная библиотека» бернхардовских героев, которая, впрочем,

совпадает с любимым кругом чтения самого автора (об этом свидетельствуют интервью, письма, речи, автобиографический документальный фильм «Три дня» (полный текст киноисповеди писателя см.: [Bernhard, 1989]). «То, что на первый взгляд выглядит как калейдоскоп имен из европейской философской и поэтической элиты последних веков – подобранный более или менее случайно и введенный исключительно как иллюстрация, – при более близком изучении вырисовывается как едва ли произвольный или случайный канон авторитетов» [Eysckeler, S. 16]. Акт присвоения родственного ему «чужого» текста выражается часто в атрибуции «мой»: мой Паскаль, Монтень, Достоевский, Витгенштейн и т.д. (ср.: «Стужа», «Хождение», «Корректурa», «Известковый карьер», «Пропащий», «Старые мастера», «Лесоповал»). Ф. Айкелер настаивает на уточнении: «близкое родство (но не идентичность)» (enge Verwandtschaft (nicht aber: Identität) [Eysckeler, S. 18]. Экзистенциальное отождествление с литературным Другим обнаруживается и в прямых репликах Бернхарда. Так, в одном из интервью в ответ на наводящие цитаты из Монтеня он подтверждает: «Полностью мой мир. Это могло бы возникнуть из моего состояния» [Bernhard, 2012, S. 125]. В «Спасителе человечества», пьесе довольно поздней, дан характерный реестр «моих» авторов Бернхарда, но без привычной восторженности – напротив, в тоне критической ревизии [Бернхард, с. 460]:

*Когда-то я доверял Монтеню
чрезмерно
потом Паскалю
чрезмерно
потом Вольтеру
потом Шопенгауэру
Мы так долго виснем
на этих философских крючьях
покуда они не расшатывают всю стену
а ежели мы виснем на них пожизненно
то мы и стену можем обвалить*

Что же до помянутого в «Корректуре» Поля Валери и его нарративного двойника мсье Теста, у тех «философия под подозрением, а язык человеческий под судом» [Валери, с. 166], и такая модернистская, а по мнению некоторых, и постмодернистская [Otero Sugden; Paul Valéry und die Postmoderne] позиция была абсолютно органичной для создателя французской версии «человека без свойств» – «демона Возможности» Теста [Валери, с. 166]. Она оказалась близкой и Бернхарду, чье творчество приходится на закат модернизма (1960–1970-е гг.) и обнаруживает пафос радикальной критики нарративов в духе Фуко или Лиотара, правда, с не свойственной постмодернизму гримасой подлинного ужаса.

Аллюзия на господина Теста в романе «Корректурa», как может показаться при первом чтении романа, проигрывает в очевидности дру-

гой – на сей раз *абсолютно* имплицитной. В тексте ни разу не названо имя Людвига Витгенштейна (в отличие от присутствия в «Стуже», «Хождении», «Лесоповале», «Старых мастерах»), а между тем образ протагониста частично списан именно с него, и здесь двойничество *W. / V.* воплощено в имплицитной игре угадывания / ускользания (именно таким инициальным шифром обозначает Бернхард себя и Витгенштейна в упомянутом выше письме-отказе о «невозможности» доклада). Но и фигура неназванного *W.* тоже аранжирована мотивами и идеями Поля Валери, и она не состоялась бы без предварительного депсихологизирующего воздействия «головного» творения французского писателя.

Интерес Бернхарда к Валери, как нам видится, связан в первую очередь с его настойчивым отрицанием всего ангажированного, публичного, увенчанного признанием: о симпатии к потерпевшим крушение или удалившимся от мира мы читаем в каждом его тексте, равно как и о желчном презрении к «так называемым» «знаменитым» (ср.: одноименная пьеса; роман «Лесоповал»). У Валери в «Вечере с господином Тестом» рассказчик, составляющий с героем симбиоз, говорит, что «каждый великий запятнал себя ошибкой» [Валери, с. 169]. Такая же логика движет и героем романа Бернхарда «Старые мастера» Регером, тратящим годы (!) на регулярное созерцание в музее живописных шедевров и берущегося отыскать в них изъяны, преступления против «совершенства». Совершенство – под подозрением в становящемся, неготовом мире Валери и Бернхарда. (Другим французским символом «отказа» от слова и славы, наряду с Валери, был для Бернхарда Артюр Рембо.)

Экзистенциальный сюжет изоляции, как известно, воплощен в биографии Поля Валери, удалившегося после публикации в 1896 г. «Вечера с г-ном Тестом» (*La Soir e avec M. Teste*) из литературного мира почти на 20 лет, но при этом не прекращавшего интенсивную работу в стол. Многолетнее добровольное изгнанничество – излюбленный *литературный* сюжет австрийского автора. Так, изолированные от мира из-за наследственной «тирольской эпилепсии», в старинной башне живут два брата, К.М. и Вальтер М., при этом Вальтер пишет фрагментарную, эссеистичную прозу, весьма близкую стилистике цикла о г-не Тесте («Амрас», 1964). Художник Штраух уединяется в горной деревне, постепенно оставляет занятия живописью, а прежние картины сжигает, полностью погрузившись в жанр чистого сократического диалога («Стужа», 1963). В многолетнем уединении на территории заброшенного известкового карьера трудится над трактатом о природе слуха Конрад, герой романа «Известковый карьер» (1970), итог – лишь разрозненные фрагменты рукописи и годы безмолвных размышлений. Уединение является целью героя «Корректур», всю жизнь ищущего идеальное место для интеллектуального творчества: идеал уединения на лоне природы воплощает он в финальном (во всех отношениях) архитектурно-философском проекте дома-конуса (см. подробнее: [Pause; Котелевская а]). Г-н Тест уединяется в дешевых меблированных комнатах и ведет жизнь анахорета, зарабатывая изредка на бирже. Он изгнал из своего дома книги, сжег все

свои записи. Итак, подлинный гений в мире Валери и Бернхарда чурается мира социокультурных конвенций, предпочитая собственный путь, даже если этот путь ведет к молчанию, забвению, поражению. Рассказчик Валери, изобретающий «из головы» г-на Теста, с улыбкой самоиронии формулирует, по сути, романтическое кредо: «Мне представлялось тогда, что умы наиболее мощные, изобретатели самые изощренные, подлинные знатоки мысли – это некие безвестные личности, скупцы, люди, которые умирают, не выдав своей тайны» [Валери, с. 169]. Ср. дневниковые размышления Ройтхамера в «Корректуре»: «То, что мы делаем тайно, удастся <...>. То, что мы публикуем, рухнет в миг публикации» [Bernhard, 1989, S. 303].

Как и герой Поля Валери г-н Тест, персонажи-интеллектуалы Бернхарда испытывают «неутолимую жажду ясности, презрение к общепринятым взглядам и кумирам, отвращение к легким результатам и сознание границ собственных возможностей» [Валери, с. 165]. Желание проговорить свою тьму до конца, причем на «неком полуискусственном языке, временами агрессивно абстрактном» (!) [Там же, с. 167] и одновременно страх перед ней также сближают ментальность и речевую манеру персонажей Бернхарда и г-на Теста. Предпочтение интеллекта поэтическому вдохновению – один из мифов, воздвигаемых г-ном Тестом и Ройтхамером, однако этот миф рассыпается в самой логике безостановочной наррации. Ср. финал созвучного обоим писателям романа Беккета «Безмянный»: «Необходимо говорить слова, пока есть слова, пока они меня не найдут, пока не скажут мне, странная боль, странный грех, необходимо продолжать, возможно, все уже кончено <...> наступит молчание, где я, не знаю, никогда не узнаю, в молчании не знаешь, необходимо продолжать, я буду продолжать» [Беккет, с. 462]. Валери не может расстаться со своим г-ном Тестом и возвращается к своему литературному нигилисту на протяжении всей жизни.

В конфигурации «образов» г-на Теста и героев-интеллектуалов Бернхарда есть общая стратегия: они депсихологизированы, лишены достоверной «натуры», «портрета». И хотя Р. Барт, еще слушавший лекции П. Валери, видел в его творчестве не преодоленный соблазн «психологической теории Я» [Барт, с. 386], он признавал также и прорыв «классика» к пониманию «чисто языковой», внебиографической природы литературы. Постпсихологический подход к персонажу был как нельзя близок и Бернхарду-драматургу, сочинявшему ироничные философские параболы, а в европейском театре заставшему расцвет постдраматизма (см. подробнее о «постдраматическом театре»: [Lehmann]). В таком же ключе создает он и свою прозу, в центре которой – человек «рассудка», интеллектуальная проекция утопических мечтаний австрийского ироника. Исключением является лишь автофикциональная пенталогия, в которой тот следует методу художественного психологизма [Bernhard, 2009]. Этимология имени героя Валери «Тест» (от «голова») находит соответствия в бернхардовской лексике: *Geistesmensch* (человек духа), *Gehirnmensch* (человек-мозг), *Verstandesmensch* (человек рассудка).

«Существовать и размышлять над собственным существованием, или существовать благодаря своим размышлениям – две главные заботы Эдмона Теста» [Otero Sugden, p. 30].

Предельно условным, как бы театральным, является и пространство в эссе Валери и в «Корректуре». «Он обитал в самом обобщенном интерьере. Я подумал о долгих часах, которые он проводил в своем кресле. Мне страшно стало при мысли о беспредельной тоске, какая может возникнуть в этой комнате, такой голой и обыкновенной» [Валери, с. 179]. Этот «голый» интерьер – дань описательной редукции, методу, антимимическому по своей природе, и его применяют оба автора. Вычищается всё правдоподобное, визуализирующее персонажей и их среду. Сюжеты обходятся без «местного колорита», крупных планов и бытовых подробностей. «Мы состоим лишь из идей, которые всплывают в нас и которые мы хотим воплотить, должны воплотить, потому что иначе мы мертвы», – убежден Ройтхамер [Bernhard, 1989, S. 181]. «В “Корректуре” неслучайно грубо-физиологичному образу деревенской родины (австрийский Альтензам) герой противопоставляет интеллектуальную столицу Кембридж и абстракцию конструктивистского проекта – здания, в котором комнаты почти лишены мебели, вещей, не имеют названий (привычных «гостиная», «кухня»), это просто многочисленные Räume (пространства, помещения), а в центре дома-конуса находится «помещение для размышлений» (Meditationsraum). Жизненный центр жилища программируется архитектором-самоучкой Ройтхамером как интеллектуальное пространство обитания человека. Прообразом этого дома стало произведение архитектурного минимализма, созданное Паулем Энгельманом в соавторстве с Витгенштейном для сестры философа (см. историю и философскую трактовку «дома Витгенштейна»: [Wien]). Этот подтекст биографии Другого, интеллектуального двойника, созидаемого Бернхардом из текста в текст, словно бы утоплен за предельно абстрактными коллизиями сюжета, он одновременно укрыт и читабелен.

Двойничество угадывается у Бернхарда и Валери также в прозрачности границы между рассказчиком и героем: г-н Тест рассуждает в той же стилистике и по той же логике, что создавший его на глазах у читателя нарратор, а дискурс рассказчика в «Корректуре» неотличим от дискурса Ройтхамера даже несмотря на монотонное повторение конструкции «так (сказал) Ройтхамер». У Валери Тест рождается, словно Афина-Паллада из головы Зевса, из воспоминаний об «острове», возведенном внутри своего сознания. Он сравнивает своего персонажа с «ребенком, зачатым в момент глубокой внутренней смуты и искажения всех свойств родительской натуры», которые он и наследует [Валери, с. 165]. У Бернхарда рассказчик – друг детства и душеприказчик повесившегося Ройтхамера, и весь сюжет романа разворачивается как погружение в чужое «я», вплоть до мимикрии.

Добавим, что образ сестры Ройтхамера – такая же интеллектуальная проекция, как супруга г-на Теста, а заметки Ройтхамера так же

фрагментарны, как «судовой журнал» героя Валери. Оба автора создают персонажа, «достоверного, определенного портрета» которого «не существует»: «все портреты рознятся», «не похожи один на другой» (Il n'y a pas d'image certain de M. Teste. Tous les portraits different les uns des autres) [Valéry, p. 76]. Можно заключить, что и Витгенштейн, реальная историческая фигура, играет в романе Бернхарда ту же эмблематическую роль интеллектуала *par excellence*, что и сочиненный из головы «демон Возможности» Валери. Это персонаж-*тест*, с помощью которого авторы исследуют наиболее дискуссионные для них темы: границы языка, правдоподобие, литературная слава, психологизм, финализм, цельноскроенная фабула, самоидентичность персонажа. Валери семантизирует имя героя, встраивая его в ассоциативный ряд: осознающий – свидетельствующий («Conscious – Teste, Testis» [Valéry, p. 76]). «Аттестации» (в рикёровском смысле [Рикёр]) подвергается в первую очередь «самость» (Selbstheit) героя, рассказчика, автора. А смерть Теста и Ройтхамера – это «интеллектуальная смерть», где «траурный марш» исполняет сама «мысль» [Валери, с. 236].

Итак, ограничиваясь лишь упоминанием чужого текста, Бернхард максимально расширяет пути триалога (текст – читатель – интертекст): никак не инструктируя реципиента, не маркируя «избранных мест», он позволяет нам беспрепятственно перемещаться в пространстве эксплицитного и имплицитного.

Литература

- Барт Р.* Смерть автора // *Барт Р.* Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Беккет С.* Трилогия (Моллой. Мэлон умирает. Безымянный): пер. с фр. и англ. СПб., 1994.
- Бернхард Т.* «Видимость обманчива» и другие пьесы. М., 1999.
- Бланишо М.* От Кафки к Кафке. М., 1998.
- Валери П.* Юная Парка. Стихи, поэма, проза. М., 1994.
- Котелевская В.В.а* Архитектурный образ как пространство индивидуалистической утопии в прозе Т. Бернхарда // Литература в диалоге культур: межвуз. сб. Вып. 1. Ростов н/Д, 2014.
- Котелевская В.В.б* «Негативная диалектика» искусства в романах Томаса Бернхарда // XLII Междунар. филол. конф., Санкт-Петербург, 11 – 16 марта 2013 г.: Избр. докл. / Отв. ред. С.И. Богданов, Ю.В. Меньшикова. СПб., 2014.
- Котелевская В.В.с* Образ «Я» и «Другого» в прозе Томаса Бернхарда об искусстве: позднемодернистский ракурс // Проблемы модерна и постмодерна: Материалы XLIII Междунар. филол. конф. в СПбГУ: 11 – 16 марта 2014 г. / ред. А.В. Белобратов. СПб., 2014.
- Котелевская В.В.д* «Пропащий» Т. Бернхарда как экзистенциальная версия романа о музыканте // Проблемы модерна и постмодерна: Материалы XLII Международной филол. конф. в СПбГУ: 11 – 16 марта 2013 г. / ред. А.В. Белобратов. СПб., 2013.
- Рикёр П.* Я-сам как Другой: пер. с фр. М., 2008.

- Fateeva N.A.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007.
- Bernhard Th.* Der Wahrheit auf der Spur: Reden, Leserbriefe, Interviews, Feuilletons. Frankfurt a.M., 2012. Kindle Edition.
- Bernhard Th.* Die Autobiographie. Die Ursache. Der Keller. Der Atem. Die Kälte. Ein Kind. Salzburg, 2009. 3. Aufl.
- Bernhard Th.* Drei Tage // *Bernhard Th.* Der Italiener. Frankfurt a. M., 1989.
- Bernhard Th.* Korrektur. Frankfurt a. M., 1988.
- Eyckeler F.* Reflexionspoesie: Sprachskepsis, Rhetorik und Poetik in der Prosa Thomas Bernhards. Berlin, 1996.
- Feulner G.* Mythos Künstler. Konstruktionen und Destruktionen in der deutschsprachigen Prosa des 20. Jahrhundert. Berlin, 2010.
- Gößling A.* Thomas Bernhards frühe Prosa. Entfaltung und Zerfall seines ästhetischen Verfahrens in den Romanen Frost – Verstörung – Korrektur. Berlin & N.Y., 1987.
- Janner M.* Der Tod im Text. Thomas Bernhard Grabschriften. Frankfurt a. M., 2003.
- Lehmann H.-Th.* Postdramatisches Theater. Frankfurt a.M., 1999.
- Otero Sugden L.* Paul Valéry et Jorge Luis Borges deux écrivains à la recherche de leur identité: une lecture borgésienne de Monsieur Teste. P., 2009.
- Paul Valéry und die Postmoderne. Forschungs- und Dokumentationszentrum Paul Valéry am Romanischen Seminar der Christian-Albrechts Universität Kiel. 1990 (3).
- Pause J.* Die ironische Korrektur. Vom philosophischen Paradigmenwechsel Thomas Bernhards. Berlin, 2004.
- Valéry P.* Monsieur Teste (de l'Académie Française). P., 1919 et 1946 // URL: <http://ugo.bratelli.free.fr/ValeryPaul/Valery-MonsieurTeste.pdf> (дата обращения: 25.08.2014).
- Wien. Kundmannsgasse 19. Bauplanerische, morphologische und philosophische Aspekte des Wittgenstein-Hauses. München, 1982.

References

- Bart R.* Smert' avtora // *Bart R.* Izbr. raboty: Semiotika. Poetika. M., 1994.
- Bekket S.* Trilogiya (Molloi. Melon umiraet. Bezumyanniy): per. s fr. i angl. SPb., 1994.
- Bernkhard T.* «Vidimost' obmanchiva» i drugie p'esy. M., 1999.
- Blansho M.* Ot Kafki k Kafke. M., 1998.
- Fateeva N.A.* Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti. M., 2007.
- Kotelevskaya V.V.a* Arkhitekturnyi obraz kak prostranstvo individualisticheskoi utopii v proze T. Bernkharda // Literatura v dialoge kul'tur. Mezhvuz. sb. Vyp. 1. Rostov n/D, 2014.
- Kotelevskaya V.V.b* «Negativnaya dialektika» iskusstva v romanakh Tomasa Bernkharda // XLII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 11 – 16 marta 2013 g.: Izbr. dokl. / Otv. red. S.I. Bogdanov, Yu.V. Men'shikova. SPb., 2014.
- Kotelevskaya V.V.c* Obraz «Ya» i «Drugogo» v proze Tomasa Bernkharda ob iskusstve: pozdnemodernistskii rakurs // Problemy moderna i postmoderna: Materialy XLIII Mezhdunar. filol. konf. v SPbGU: 11 – 16 marta 2014 g. / red. A.V. Belobratov. SPb., 2014.
- Kotelevskaya V.V.d* «Propashchii» T. Bernkharda kak ekzistentsial'naya versiya romana o muzykante // Problemy moderna i postmoderna: Materialy XLII

Mezhdunar. filol. konf. v SPbGU: 11 – 16 marta 2013 g. / Red. A.V. Belobratov. SPb., 2013.

Riker P. Ya-sam kak Drugoi / Per. s fr. M., 2008.

Valeri P. Yunaya Parka. Stikhi, poema, proza. M., 1994.

**Kotelevskaya V.V. (Rostov-on-Don, Russian Federation)
“Mr. Test” by Paul Valerie in the poetics of Thomas Bernhard:
one deep quotes**

The article considers the intertextual relations of Thomas Bernhard's novel “Proofread» («Korrektur», 1975) and essayistic cycle of Paul Valerie “Mr. Test» («Monsieur Teste», 1896-1946). Quoting the name of the character of the famous French writer of essays, poetry anticipated the principles of modernism and postmodernism, Bernhard leads to complicated interpretation of the text. The article reveals the implicit connection of all creativity of Bernhard with the poetics and poetology of Valerie. This view elected in the domestic literature on Bernhard first. Particular attention is paid to the structure of the dissociated subject theme of duality, philosophy, writing, poetics of space. Familiarity with the full version of Bernhard “cycle test” Paul Valery argued pointing out the autobiographical text – “Three Days” by Bernhard (Drei Tage), where the Austrian writer calls the book of Valerie as the most important in his library, he returns to it again and again. General principles of poetics by Bernhard and Valerie – linguistic skepticism, literary composition and fragmentation pattern of the world, intellectualism, philosophy, self-reflexive writing. The protagonist of the novel “Proof” Roythamer and character of Paul Valery “Mr. Test” created by modernist scenario “man without qualities”. This character-test, by which the authors examine the most controversial topics for them: the boundaries of language, plausibility, literary fame, psychology, finalism, self-identity of the character.

Key words: *Thomas Bernhard, Paul Valerie, intertextuality, linguistic skepticism, modernism, novel about the artist.*

Kotelevskaya Vera Vladimirovna – candidate of linguistics, professor assistant of the theory and history of world literature dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern federal university. E-mail: luga17@rambler.ru. Phone: 8-918-566-1134